

ЭШЛИ ДЬЮАЛ

ДОМОЙ
НЕ ПО ПУТИ

**LIKE
BOOK**

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д92

Художественное оформление
Константина Гусарева

Д92 **Дьюал, Эшли.** Домой не по пути / Эшли Дьюал. — Москва : Эксмо, 2022. — 288 с.

ISBN 978-5-04-116438-6

Не верится, что я это сделала. Мне давно нужно было вырваться из родительского дома, но решилась я только сейчас, и все благодаря человеку, которого всю сознательную жизнь я считала самовлюбленным идиотом!

Я запрыгнула к нему в машину, даже не представляя, что впереди меня ждут новые люди и города, музыка, танцы до рассвета и... сильные чувства. Он позволил мне стать частью своего безумия, и я не смогла ему отказать.

Черт возьми, неужели после всего, что случилось, в моем сердце действительно осталось место для любви?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-116438-6

© Дьюал Э., 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ГЛАВА 1

Я оглядываюсь и вижу улыбающиеся лица, перекошенные от непонятной радости. Чего они хохочут? Странно.

Я оглядываюсь еще раз — вдруг мне чудится. Но нет. Люди, которые сидят рядом, находятся в зале, стоят у трибун, — все лыбятся так широко, что их лица кажутся жуткими и искусственными, будто бы натянутыми на бесстрастные головы манекенов. Я тоже пытаюсь улыбнуться. Дергаю уголками губ, а потом чертыхаюсь.

Никак у меня не получается изобразить радость. Ну и черт с ней! Если говорить о чувствах, то я ощущаю промозглую пустоту, которая, как и погода, меняется внезапно, но портит настроение довольно-таки сильно.

— Реган!

Я недоуменно смотрю на соседку. На ней, как и на мне, квадратная черная шапочка, а еще дурацкая мантия, в которой теряются руки. Я вскидываю брови, мол, чего орешь на весь зал, а она надувает красные щеки.

— Тебя назвали!

Назвали? Я поворачиваюсь и понимаю, что деканша, как и вся ее свита, ждут моего выхода. Как всегда, проспала.

— Реган Б-баумгар-ртен.

Неуклюже подскакиваю, едва не валюсь кубарем из-за треклятой накидки, но каким-то образом сохраняю равновесие и шествую к трибуне. Ну хоть фамилию правильно выговорили. А то обычно Баумгуртен, Ваугратен.

Люди в зале громко аплодируют. Звучит какая-то идиотская музыка, которая мне напоминает тему из «Звездных войн». И вот деканша уже передо мной в своей черной накидке.

— Поздравляю, Реган, — шепчет она мне, когда я пожимаю ее костлявую руку. — Пусть у тебя всё получится, а перемены...

Я отключаюсь. Просто гляжу в эти сморщенные, уродские губы и вспоминаю, сколько раз они отчитывали меня и оплевывали. Я пропускала занятия, потому что не любила ни университет, ни профессоров, ни ежедневное унижение, коему подвергались почти все обучавшиеся на моем факультете. А потом меня вели к деканше, и она, будучи, так сказать, в не очень хорошем настроении — муж бросил ее и ушел к студентке с моего курса, орала и клялась, просто божилась, что никогда не вручит мне диплом, а я сгнию на дне общественной ямы, как гниют яблоки в ее саду.

— Удачи!

— Спасибо, — хриплю я и едва не добавляю: «Безмозглая карга».

Мы расходимся как в море корабли, и я плыву к своему месту, невольно глядя на тех, с кем училась четыре года. Четыре! Я видела их каждый день и терпеть не могла, потому что одна половина любила учебу, не обращая внимания на те унижения, о которых я уже упоминала, а другая — любила унижения, принимая учебу как нечто неизбежное. Конечно, была

парочка людей, с которыми можно было общаться. Но до выпуска дожил лишь один — Кори Гудмен.

Он так же, как и я, не улыбается, оглядывается по сторонам и ни черта не понимает. Ничего, друг, тут просто все спятили, а мы с тобой угодили в их сети.

У него смешные волосы — вьются, как шерсть у барана, но Кори считает, что «как у барана» — это не круто. А круто, как у его старшего брата Уильяма, который, собственно, тот еще баран. Я его почти не знаю, видела пару раз, он носит широкие, просто гигантские штаны, такие же широкие футболки, выкуривает по сто сигарет за день и зарисовывает свои пошлые мысли не менее пошлыми татуировками. Хорошо хоть Кори еще не додумался вывести на своей спине: «Я делаю плохие вещи, но делаю их хорошо».

После меня к деканше выходят еще люди. Она всем жмет руки и улыбается, а я гляжу на эту картину и спускаюсь по спинке стула все ниже и ниже. Когда эта церемония подойдет к концу? Столько стараний ради одной бумажки.

Минут через сорок мы вырываемся из здания. Я всегда мечтала учиться в Йеле, но в итоге проучилась в местном, задрипанном университете, который похож на коробку, брошенную на кривой улице Янгстауна. Я оборачиваюсь через плечо: толпа орущих студентов прет из дверей, будто бы за ней несется горячая, темно-оранжевая лава, и гляжу на это серо-зеленое здание, проглотившее с потрохами мои «лучшие» годы.

Кто бы мог подумать, что всё будет именно так. В школе я верила в лучшее, считала, что уеду из городка сразу же, как получу аттестат. Что я стану кем-то. Напишу что-то. Сделаю нечто важное. Возможно, прославлюсь. Возможно, по уши влюблюсь. Я выходила за порог школы с надеждами о той жизни, о которой, впрочем, мечтает каждый. Но сейчас я понимаю, что

всё это — полная чушь. Находясь в плену собственных предрассудков, ты не способен вырваться на свободу. Верить — верь, конечно. Вот только о реальности не забывай, потому что она о тебе прекрасно помнит. Она размазала мои мечты, как сейчас Стейси Роман размазывает соплю по лицу. Ей-то отец уже местечко забил в своей адвокатской конторе. Стейси впору рыдать, ведь больше не придется лизать зад учителям за хорошие отметки. Теперь надо работать. А у меня надежда только на себя, что плохо, ведь я, как вы уже поняли, совсем не добросовестный человек.

Невольно оглядываюсь, ища в толпе родные лица — маму или папу. Не знаю, зачем я это делаю, ведь понимаю, что никто не придет. Но я глупая. Я всегда была глупой.

Есть одно важное правило. Люди считают, что если станут верить в тех, в кого верить не стоит, им обязательно воздастся свыше. Мол, мы меняемся, можно и потерпеть, и понадеяться, и подождать. Но все эти страдания в пустоту — полная лажа, потому что не надо терпеть. Не нужно строить из себя великомучеников. Если человек дерьмо — он дерьмо, и твоя вера в него ничего не изменит. Она не сделает тебя лучше и не припишет тебе дополнительные баллы, которые ты потом вдруг вытащишь из кармана на Страшном Суде и вручишь Богу.

Сделай себе одолжение — не жди от людей чего-то. Они такие, какие есть, и ты их не исправишь, как бы ни старался и как бы сильно в них ни верил.

Мне кажется, я строю иллюзии насчет своих родителей уже целую вечность. И мне жутко больно, когда они меня разочаровывают, пусть я и не хочу это признавать. Но на самом деле это не их проблема и не их вина. Я сама виновата, потому что я — глупая. Я жду, когда ждать нет смысла, а не они.

Внезапно кто-то наваливается на меня сзади, и я громко чертыхаюсь.

— Сад ты мой цветущий! — верещит мне на ухо Кори и хохочет. Ненавижу, когда он меня так называет. Узнал, что фамилия Баумгартен означает «деревья в саду», и теперь при каждом удобном случае умничает. — Ты чего такая кислая?

— Я сладкая.

— Ммм, еще и колючая. Смотри, Стейси сейчас выплюнет легкие! Она реально ревет или у нее началась аллергия?

— На тебя у нее аллергия, а людям вообще-то грустно.

Я хихикаю, обхватываю друга за плечи, и мы медленно плетемся в сторону моего дома. Живу я рядом, Кори всегда меня провожает, пусть потом и бежит к своему братику, чтобы посмотреть, как тот девок снимает. Сам-то Кори — монах. Целовался пару раз, да и то с мандаринами. А Уильям — ну просто Вильгельм Завоеватель. Девушек Янгстауна ему было мало, и тогда он пропал на целый год, чтобы переспать со студентками Принстона. Я слышала эту историю уже столько раз, что у меня сводит всё тело, едва кто-то в разговоре упоминает Нью-Джерси.

— Знаешь, я ведь скучать буду.

Я гляжу на смуглое лицо друга и почему-то не хочу шутить. Мы идем по тропинке, по которой шли сотни раз до моего дома, и до меня вдруг доходит, что больше этого не будет. Что Кори Гудмен не проводит меня после занятий, что мы не посмеемся до слез над мусорщиком Бади, который вечно ставит пакеты так, что они валяются вниз и обьедки из них выкатываются на дорогу. Кори не расскажет мне истории о своем ненаглядном брате, а я не разревуся на его плече после очередной ссоры с предками. Да, ничего больше

не повторится. Всё осталось позади, и мы идем вперед очень медленно, ведь так не хочется заканчивать то, что вроде бы только началось.

Мне становится страшно. Надо быть взрослой, а я еще подросток, который изо всех сил сжимает руку лучшего друга в надежде, что происходящее — неправда и он никуда от меня не денется. Грудь вздымается от горячего воздуха, который застревает у меня где-то в горле. Я прикусываю губу и наконец отвечаю:

— Я тоже буду скучать.

— А писать будешь?

— Было бы откуда писать, ведь я еще не уезжаю.

— Всё будет в порядке, Реган. Тебя примут в Йель.

— Меня учиться туда не приняли, а тут вдруг стажироваться разрешат. — Я говорю уверенно и решительно, хотя внутри надеюсь, что друг прав и у меня получится. — Ты когда уезжаешь? Когда начнется великий тур по местам славы Вильгельма Завоевателя?

— Сегодня вечером. Уилл всё устроил, даже с предками договорился, хотя я знаю, что ему плевать на их мнение. Он в любом случае укатил бы на своем старом «Додже».

— И я укатила бы куда угодно, лишь бы подальше от родителей.

— Да уж. А их не было на церемонии? — Нас оглушает гудок автомобиля, и мы видим, как высунувшиеся из его окон краснолицые ребята, громко крича, размахивают квадратными шапками.

— Да, они не пришли. Но я не удивлена, это было бы дико. В конце концов, там никто не раздавал бесплатную выпивку, так что церемония — отстой.

— Ага, — как-то жалобно усмехается Кори. Когда мы говорим о моих родителях, он не может нормально себя вести, вечно корчится и жметя, будто у него

штаны застряли где-то в промежности. Добрый мальчик. Но сейчас плохо быть добрым. — Ох, Реган, садик ты мой цветущий, только представь, что мы больше не вернемся на семинары. Что я больше не буду стоять перед твоей дверью в январе, пока ты ищешь свои любимые джинсы...

— ...а я не буду притворяться твоей мамой, когда ты прогуливаешь физкультуру...

— ...и мы не будем зависать в «Френзи»...

— ...ты все равно не любишь эти йогурты...

— ...зато ты любишь.

Он кривит губы, а я крепче его обнимаю, потому что жутко, ну просто нереально его люблю. Кори Гудмен — неотесанный, тихий мальчик, который в первый же день завоевал мое сердце, когда отказался носить университетскую форму, потому что она не просто зеленая, а блевотно-бирюзовая. Я тоже отказалась, и нас отправили к деканше. Меня, Кори и еще одного парня, имя которого не хочу произносить. Там мы с Кори и познакомились, пока ждали эту каргу. Нам всё равно пришлось носить форму, но мы всячески над ней издевались: то я надену юбку как топ, то Кори обрежет брюки под капри.

Неожиданно я понимаю, что мы оказываемся напротив моего серого дома. Запах тут стоит тяжелый — паленой травы и жаркого лета. Дышать сразу становится трудно, но, что странно, отнюдь не из-за этого. Я вновь смотрю на друга и расстроено выдыхаю. Он мнетя и перекатывается с ноги на ногу, будто бы не знает, что сказать. Я тоже не знаю, поэтому не спешу удивить его красноречивой тирадой, а просто прижимаю к себе.

Кори сцепляет руки за моей спиной.

— Без тебя жизнь будет совсем другой, Реган Баумгартен.

— Ты единственный человек, который так красиво произносит мое имя.

— У меня было много времени, чтобы потренироваться.

Я зажмуриваюсь. Сжимаю его узковатые плечи и вздыхаю. Не хочу признавать, что на глазах слезы. Глупости какие! Я не плакала уже так давно, не разревусь и сейчас.

Отстраняюсь и грозно свожу брови.

— Пиши мне, услышал? Я, может, никуда не уеду. Останусь тут на веки вечные, а ты пиши. Даже из своего тура, даже потом, когда переедешь в Индиану, в этот, как его, в Ивансвилл.

— Эвансвилл.

— Какая разница!

— Договорились, — кивает он. Поправляет мятую на локте мантию и глядит мне в глаза открыто, пронзительно и печально, как смотрят, когда прощаются, но не хотят уходить. Кори нервно усмехается. Нервно хлопает меня по плечу. Нервно плетется к противоположному двору и глядит на меня через плечо. Ему до дома еще минут десять, но я уверена, что идти он будет медленно, чтобы смотреть на меня как можно дольше. — И не вздумай рыдать, Реган! Слышишь?

— Не дождешься, гаденыш! — Я уже кричу, потому что парень всё дальше и дальше, а на глазах эти противные слезы. Черт! Порывисто смахиваю их и широко улыбаюсь. — Я не пророню ни слезы, ясно?

— Заметано!

Он машет мне рукой и скрывается за поворотом.

Пусто. Мне холодно, и я чувствую себя как-то странно. Гляжу на светлую улицу, но не вижу больше знакомых домов, знакомых лиц. Всё кажется чужим. Наверное, стоит пойти домой, а ступни словно вросли

в землю. Я так и стою, глядя куда-то вдаль. Возможно, жду, что Кори Гудмен вернется и обнимет меня еще раз, но догадываюсь, что он так не поступит. Он слишком любит меня, а значит, не захочет сделать мне больно. Умный парень, очень хорошо меня знает.

ГЛАВА 2

Сколько у вас любимых мест? Обычно их немного. А дом, как правило, на вершине хит-парада.

Я свой дом терпеть не могу благодаря двум факторам: мама и папа. Мать и отец, точнее, потому что трудно выговаривать «папа», когда он глядит опьяневшими, красными от безумия глазами, или когда просит убраться из дома, или когда недовольно выворачивает руки. С «мамой» проще. Она молчит, ну или орет. Во всяком случае бить она меня никогда не была, поэтому мы с ней вроде как дружим. Отец мне отвесит пощечину, она закроет ладонями лицо, а потом мы сидим на кухне, и я слушаю, как же ей больно, хотя лицо саднит у меня, а не у нее.

Дом у нас небольшой. Вообще, он мог бы стать очень прикольным, уютным и что там еще бывает с домами, в которых живут, а не выживают. Но у нас мало денег, и потому крыльцо разбито, а на ступеньках видны прогнившие трещины. Иногда по ночам, когда завывает ветер, я слышу симфонии Бетховена и прелюдии Шопена, хотя, конечно, ни Бетховена, ни Шопена ветер еще не научился играть достойно.

Почему-то, думая о родителях, я вспоминаю школу. Друзей у меня никогда не было много, а в старших классах я полностью отгородилась от ребят, и не потому, что не хотела с ними общаться, а потому, что стыдилась своих предков. Часто, возвращаясь домой,

я видела отца, разгуливающего по кварталу с липким от пота лицом. Его ноги заплетались, будто змеи, он отпускал дикие ругательства — смело и отважно — невидимым врагам и чьим-то теням. Он пил так много, что даже меня не узнавал, и, когда я пыталась довести — донести — его до дома, отбивался и не щадил свое горло, разрывая воздух криками и бранью. Я понимала: будь у меня друг, я не смогла бы привести его домой, ведь кто знает — отец уже пьян или еще не дошел до кондиции.

Что ж, в школе, как известно, мнение окружающих играет огромную роль, потому-то я и закрылась в себе. Стала «трудным подростком из не очень благополучной семьи», и если сначала я отталкивала людей, то потом они сами перестали со мной общаться.

В университете стало немного проще, потому что я наконец научилась жить самостоятельно, а не страдать фигней вроде самобичевания и тотальной отчужденности. Уверена, Кори Гудмен вовремя появился в моей жизни и доказал, что даже у потерянных социопатов есть возможность найти друга.

Я захожу в дом и прислоняюсь спиной к закрытой двери. Прикрываю глаза. Не люблю, когда меня называют нищесборкой — а в университете это практически стало моим вторым именем, но глупо отрицать очевидное.

Знаете, я думаю, что у бедности есть запах. Она пахнет сыростью, алкоголем и потом. Бедные люди не в состоянии починить трубы, потому-то стены и потолки в их домах покрываются плесенью. Бедные люди не способны вынести трудности, они лишь заглушают происходящее крепкими напитками. Бедные люди живут так, словно время — их верный союзник, как будто оно остановилось, а не течет с дикой скоростью. Они живут час, тогда как проходит

несколько месяцев. Они живут день, тогда как проходят годы.

Вариться в этом соку без особого запаха трудно, и меня выворачивает наизнанку от того, как воняет вся моя одежда, как воняет моя комната, как воняет двор перед домом. Я знаю, кто я такая, знаю, кто моя семья. Хочу вырваться, но жизнь — подлая тварь — вертит передо мной задом и ржет до колик, потому что мало трагедии в счастье. Ей интереснее наблюдать, как бедный муравей корчится под безжалостной лупой.

Дома никого нет. Я недоуменно хмурю брови, а потом выдыхаю, потому что, как бы паршиво ни было, дышать приходится. Наверное, в этом и есть суть — дышать тогда, когда дышать больно. Люди ищут великий смысл, но, возможно, за смысл нужно принять то, что нам в определенный момент нужно. Даже смешно как-то. Спросите меня, в чем смысл жизни. И я вам отвечу: в том, чтобы дожить до завтра. И так каждый день. Неглобально как-то, верно?

Я стягиваю кроссовки и бросаю мантию на скрипучий стул. Плетусь на кухню, то и дело поглядывая по сторонам. Предков нет, надеюсь, они и не вернутся. Ушли за пивом и позабыли путь домой — вот такую историю я бы прочитала. Знаю, паршиво так говорить о тех, кто меня вырастил, но трудно нормально относиться к родителям, когда они не хотят нормально относиться ко мне. В детстве еще прощаешь всякие глупости, не замечаешь очевидных вещей, но сейчас глупо закрывать глаза. Да, предки играют большую роль в моей жизни, но не хорошую, к сожалению. Они, скорее, мои вечные антагонисты.

Наливаю себе стакан воды и принимаюсь жарить яичницу. На кухне становится душно. Я и не знала, что так проголодалась. Набрасываюсь на обед как ненормальная и смотрю дешевое шоу по телику, пач-

кая пульт жирными пальцами. Если честно, иногда я понимаю, что хочу слишком многого. Жалуюсь на то, что мои родители неотесанные алкоголики, тогда как сама похожа на их отпрыска по всем пунктам. Но в глубине души я убеждаю себя, что я еще не потеряна. В конце концов, Кори дружит со мной, хотя живет в чудесной семье. Его родители — врачи, получают кучу денег, но он никогда не воротил от меня нос и не относился ко мне предвзято. Может, конечно, он просто такой человек. А может, и я еще не свалилась на дно той самой общественной ямы, о которой мне рассказывала деканша.

Приподнимаю стакан с водой и хмыкаю: «С окончанием университета, Реган!» Теперь ты свободна. Ну относительно. Освободилась от одного, погрязла в другом.

Проходит много времени, прежде чем входная дверь распаивается. Я вяло и сонно вздрагиваю, понимая, что уснула прямо на кухне, опустив голову на руки, и растерянно оглядываюсь. Что это меня так сморило?

— А ты возьми и попробуй так жить, тупая идиотка! — воет отец, и я узнаю в его голосе те самые нотки, после которых мне непременно попадает. Дверь хлопает, мать тут же раздражается плачем, а пол сотрясается от тяжелых шагов. — Чего ты реवेशь?

— Я не реву, я не...

— Задолбала со своими психами!

— Хватит на меня орать!

— А ты прекрати истерить! Иначе...

Отец недоговаривает, потому что входит на кухню и видит меня. Я не помню, как он выглядел до того, как начал пить. Сейчас он сморщенный, как апельсиновая кожа. У него старая, сероватая кожа, всегда обветренная. Квадратный подбородок зарос, а на скрученных коротких волосках застыла пена от пива.

Он смотрит на меня и рявкает:

— Чего ты здесь забыла?

Обычно я молчу. Отец и не ждет, что я отвечу. Но сегодня мне хочется что-то сказать, может, потребность какая-то в опеке появилась, поэтому я отрезаю:

— Я диплом получила. Вон. — Киваю на стол. Документы валяются под квадратной шапкой. — А вы где были?

— Не твое дело.

Он тянется к холодильнику за пивом, и в этот момент вваливается мама. Я нехотя перевожу на нее взгляд и вижу то, что и всегда: размазанные кричащие тени, полопавшиеся сосуды глаз, помада размазалась на пол-лица. Она порывисто смахивает слезы и тихо шипит себе что-то под нос, наверняка прокликает этот день, этого мужчину, этот дом. Но не думаю, что папе интересно. Захлопнув холодильник, он открывает банку с пивом — та щелкает с пронзительным звоном — и поворачивается к маме лицом.

— Чего уставилась?

— Ты не должен был рассказывать обо всем Сюзи. Не должен выставять нас...

— Я буду делать то, что хочу, рот закрой, ясно? — Он взмахивает рукой, пиво льется на пол, а я крепко зажмуриваюсь. — Ты трахалась с ее мужем и со мной трахалась. Ты со всей школой трахалась, Мэндис, поэтому просто закрой свой рот и не капай мне на мозги, уяснила? Ты поняла?

— Натан, прекрати, прекрати орать! Прекрати!

Они взывают, как дикие животные, а я незаметно поднимаюсь из-за стола и бреду к выходу. Не могу это слушать, не могу там даже находиться. Бывает, тебя мутит от одного лишь звука чьего-то голоса. Именно так я переносишу голос отца: ядовитый и хриплый, как у заядлого курильщика.

Собираюсь подняться к себе в комнату, как вдруг замечаю у двери стопку писем. Не знаю, что на меня находит. Ор за спиной превращается в тихое жужжание, которое сейчас не имеет никакого значения.

— Вот черт, черт! — Я пулей бросаюсь к двери. Падаю на колени и дрожащими пальцами перебираю конверты. Счета, счета, счета...

«ЙЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ».

На конверте расписными огромными буквами вычерчен девиз университета:

Lux et Veritas — «Свет и Истина».

Я буквально задыхаюсь, попросту не могу дышать. Наверное, так себя ощущают те, у кого решается очень многое. Такой важный момент, а я даже языком пошевелить не могу. Разглядываю листок и не понимаю: что это? Шанс? Цель? Тот самый смысл?

Разрываю конверт и достаю письмо. Глаза моргают часто-часто, и я боюсь, что взлечу ненароком, но я не взлетаю. Я опадаю, как опадают листья осенью. Или как с неба на нас валятся дождевые капли. Или как бомбы, которые бросают на жилые дома. Я опускаю руки, а взгляд поднимаю вверх, как будто ищу ответ где-то там, над головой. Но я его не нахожу.

*«Уважаемая мисс Реган Анна Баумгартен,
мы рассмотрели ваше предложение и вынуждены
его отклонить.»*

*С наилучшими пожеланиями,
Мэрилин Итон».*

Не знаю, что хуже: то, что меня сочли неподходящей кандидатурой, или то, что меня навсегда заперли в этом месте. Янгстаун — мой дом, моя клетка.

Неожиданно до меня доходит, что всё кончено. Что я навсегда здесь останусь и буду свидетелем этих

скандалов вечно, и я стану слушать этот ор и купаться в этой вони — и ничего не изменится. Никогда.

— Что это у тебя? — взывает отец за спиной. Он вырывает конверт из моих рук так быстро, что я даже не успеваю среагировать. Испуганно оборачиваюсь, а у него уже не лицо, а рожа, налитая злостью. Из ноздрей вылетает горячий воздух. — Какого хрена?

Он переводит на меня желтоватый взгляд. Только дети алкоголиков поймут, что я имею в виду. Желтый взгляд, не в плане, что его глаза наливаются огнем. Просто глазные яблоки кажутся изношенными, мутными и грязно-желтыми, как цвет пива, которым отец наливает себе брюхо.

Хотите верьте, хотите — нет, но ответить мне нечего. Я просто смотрю на него, а он — на меня, и это самый долгий зрительный контакт, который произошел у нас за год или за два. В конце концов, он делает то, что всегда делает. Размахивается и хорошенько ударяет меня по лицу. Я теряю равновесие и падаю. Отец хочет еще раз ударить меня, но внезапно появляется мама. Она накидывается на него со спины.

— Не надо, Натан, не надо! — ревет она не своим голосом. — Ты покалечишь ее!

— Убери руки, Мэндис!

— Пожалуйста, прошу тебя...

Отец отталкивает мать. Она тоже валится на пол, и я вижу, как она погружает лицо в свои ладони, как в океан, разразившись громким плачем. Мои пальцы сжимаются в кулаки. Я вскакиваю, прыгаю на отца, но он даже не обращает внимания. Молочу по его спине ладонями.

— Оставь нас в покое, убирайся, уходи!

Папа оборачивается. Перехватывает мои кулаки одной рукой и переспрашивает:

— Что?

Кричать в спину легче, чем кричать в лицо, — это точно. Но я все равно отвечаю и не знаю, зачем это делаю. Смелой стала и глупой? А может, разозлилась после того, как получила отказ, после того, как попрощалась с другом, после того, как стояла на ступеньках университета и ждала семью, которой у меня нет.

— Уходи, оставь нас! Ты подонок, пап. Я тебя ненавижу.

Мои слова задели бы его, если бы он испытывал что-то кроме ярости. Тем не менее в его глазах определенно мелькает какая-то эмоция, правда, она такая же невзрачная, как и одежда, которая на нем висит. Отец обрушивается на мои плечи свои гигантские ладони, я вздрагиваю от их тяжести, горблюсь, и уже через пару секунд оказываюсь за дверью. Скатываюсь по ступеням и обрушиваюсь на прохладную к вечеру землю.

Отец кричит какие-то ругательства. Подбегает ко мне и пинает ногой. Я взлетаю и падаю вниз. Снова подлетаю и падаю вниз. Лучше бы я смолчала, но теперь уже поздно врать и говорить, что он лучший папа в мире.

В какой-то момент его нога ударяет меня не в живот, а в лицо. Я слышу хруст, ощущаю взрыв между висков, вспышку красок и еще какой-то дряни, из-за которой закладывает уши, и выпускаю громкий стон.

Натан Баумгартен бил меня, но он никогда не позволял себе ничего подобного. Мне вдруг кажется, что он никогда не остановится, и только потом я понимаю, что валяюсь на земле уже несколько минут в полном одиночестве. За тонкими стенами нашего дома пищит мать, громыкает мебель, бьется посуда, а я валяюсь в грязи и прерывисто дышу.

Надо встать. Я поднимаюсь, кренюсь. С трудом выпрямляю спину и гляжу перед собой, не зная, что делать. Зайти обратно? Пожалуй, я повременю с этим.